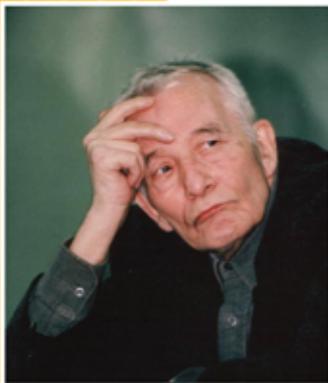




Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук



Международная научная конференция

**Будущее
социологического знания
и вызовы
социальных
трансформаций
(к 90-летию В. А. Ядова)**

Материалы конференции

Москва
2019

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр
Российской академии наук

**Будущее социологического знания
и вызовы социальных трансформаций
(к 90-летию со дня рождения В. А. Ядова)**

Международная научная конференция
Москва, 28–30 ноября 2019 г.

Сборник материалов

Москва
2019

УДК 316
ББК 60.5
Б 90

Мероприятие проводится при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(Грант № 19-011-20134)
и Министерства науки и высшего образования Российской Федерации

Б 90 **Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию со дня рождения В. А. Ядова).** [Электронный ресурс]. Международная научная конференция (Москва, 28–30 ноября 2019 г.). Сборник материалов / Отв. ред. М. К. Горшков; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2019. — С. 903.

DOI: [10.19181/yadov_conf.2019](https://doi.org/10.19181/yadov_conf.2019)

ISBN: 978-5-89697-316-4

УДК 316
ББК 60.5

ISBN: 978-5-89697-316-4

© Авторы, текст, 2019
© ФНИСЦ РАН, 2019

Секция 5.**Методологический разговор 2.****Методы сбора социологических данных:****современное состояние и новые направления.....309**

- М. Ю. Александрова.* Современные методы интеллектуальной работы с текстовыми данными: замена или дополнение традиционному инструментарию социолога? 310
- Л. А. Бархатова.* Опыт применения смешанной методологии для изучения взаимодействий в профессиональном социологическом онлайн-сообществе 314
- П. К. Залесский.* Комбинация онлайн и офлайн опросов в России: проблемы и поиск решений 320
- В. В. Костюшев.* Социология события: возможности событийного и ситуационного анализа, сопряженность методов в социологическом исследовании социального протеста 327
- А. В. Кученкова.* Big Data как источник информации для изучения субъективного благополучия: возможности и ограничения 332
- М. А. Подлесная.* Дневниковый метод в изучении религиозного поведения (на примере исследования православных сообществ) 337
- Ж. В. Пузанова, Т. И. Ларина.* Техника обогащенного мнения: опыт эмпирического использования 341
- З. Х. Саралиева, С. А. Судьин.* Трудности перевода: опыт компаративного исследования школьного насилия 346
- А. В. Чиркова.* Проблемы многомерного анализа данных о здоровьесберегающем поведении 350

Секция 6.1.**Новые формы социально-экономических неравенств****и их отражение в массовом сознании.....355**

- Е. М. Аврамова.* Социальная стратификация российских миллениалов 356
- В. А. Аникин.* Прекаризация среднего класса в современной России: что представляют собой гетерогенные средние слои? 360
- А. В. Каравай.* Неравные возможности в выборе стратегий адаптации как фактор углубления социальных неравенств в российском обществе... 363
- Н. Д. Коленникова.* Статусный подход к стратификации занятого населения современной России 368
- Л. В. Константинова.* Образование – сфера новых неравенств 373
- Ю. П. Лежнина.* Запрос населения к государству как основа обновления общественного договора: специфика позиции среднего класса 379
- Д. М. Логинов.* Внутренняя дифференциация молодежных групп 385
- С. В. Мареева.* Восприятие социальных неравенств населением: вызовы и возможности для социальной политики 389
- С. В. Мареева, Е. Д. Слободенюк.* Относительная доходная мобильность россиян в объективном и субъективном измерении: специфика и вызовы для социальной политики 394
- Е. В. Реутов.* Горизонт планирования личного будущего в российской провинции 400
- А. В. Струченков.* Представление жителей Донецкой Народной Республики о бедности 406
- П. Е. Сушко.* Информационные работники на российском рынке труда: новые вызовы или воспроизводство структурных проблем 411
- А. А. Тихонов.* Влияние изменений в системе неравенств на особенности финансового поведения россиян в 2003–2008 гг. 416

С. В. Мареева, Е. Д. Слободенюк

Относительная доходная мобильность россиян в объективном и субъективном измерении: специфика и вызовы для социальной политики¹

**Мареева
Светлана Владимировна**

Кандидат социологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: smareeva@hse.ru

**Слободенюк
Екатерина Дмитриевна**

Кандидат социологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: eslobodenyuk@hse.ru

Аннотация. Исследование посвящено анализу направлений и масштабов индивидуальной мобильности россиян между доходными квинтилями на четырехлетнем интервале. В фокусе внимания также находятся составы полярных групп, оказывающихся в ситуациях «липкого пола» и «липкого потолка», т. е. устойчиво занимающих самые нижние и самые верхние позиции в иерархии доходов, и факторы, повышающие вероятность для россиян оказаться в этих группах. Проведено сопоставление с субъективной доходной мобильностью – изменением самооценки положения на шкале бедность-богатство. Эмпирической базой исследования выступают данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ НИУ ВШЭ), волны 2014–2017 гг.

Ключевые слова: социальная мобильность, доходная мобильность, «липкий пол», «липкий потолок», субъективное благополучие, социальное неравенство.

Проблема социальной мобильности, несмотря на давнюю традицию изучения, не теряет своей актуальности и входит в число центральных тем для социальных наук и по сей день. Внимание ученых при этом привлекает как мобильность по доходам (примером чего может служить недавно опубликованный доклад ОЭСР (OECD 2018)), так и немонетарные ее проявления (Социальная мобильность... 2019). Изучение индивидуальной мобильности

¹ В исследовании использованы результаты проектов «Мобилизация и повышение качества человеческого капитала среднего класса и уязвимых групп населения» и «Рекомендации по обеспечению достижения цели устойчивого роста реальных доходов граждан», выполняемых в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 году.

по доходам вносит вклад в понимание паттернов социальной мобильности, особенностей устойчиво низкодоходных и высокодоходных групп, степени (не)стабильности материального положения населения, а также характера неравенства в обществе. Следуя логике исследования относительной (позиционной) доходной мобильности, используемой, в том числе, в докладе ОЭСР, но адаптировав ее с учетом реалий современного российского общества, мы обращаемся к анализу направлений и масштабов индивидуальной доходной мобильности на четырехлетнем интервале (2014–2017 гг.) между доходными квинтилями. При этом отдельное внимание мы уделяем составу групп, находящихся в наиболее неравном положении по устойчивому монетарному благосостоянию («липкому полу» и «липкому потолку»), и факторам, повышающим вероятность оказаться в этих группах. Принимая во внимание активно разворачивающийся дискурс о необходимости учета субъективных оценок (Стиглиц et al. 2016), мы используем аналогичную логику для анализа мобильности между квинтилями по субъективным оценкам положения на шкале «бедность-богатство» и сопоставления характера объективной и субъективной доходной мобильности.

В качестве эмпирической базы исследования нами были использованы данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ НИУ ВШЭ), волны 2014–2017 гг.¹ Основным показателем для выделения квинтилей и дальнейшего анализа мобильности между ними выступал расчетный показатель ежемесячного среднедушевого дохода в домохозяйстве индивида. Определение доходных границ квинтильных групп осуществлялось на данных репрезентативных выборок. С применением выявленных значений на данных полных выборок массива была сформирована панельная выборка. Для учета российской специфики, заключающейся в высокой территориально-пространственной неоднородности страны, в т. ч. и в разрезе доходов, мы выделяли структуру общества по доходам с учетом типа поселения, т. е. границы квинтилей задавались отдельно для Москвы и Санкт-Петербурга, областных центров, прочих городов, ПГТ и сел с учетом характера доходного распределения в них.

Общая характеристика индивидуальной доходной мобильности в России может быть представлена матрицей переходов между доходными квинтильными группами (см. таблицу 1).

В целом соотношение нисходящей и восходящей мобильности по доходам, а также ее отсутствия на интервале 2014–2017 гг. выглядит следующим образом: 40,1% россиян сохранили принадлежность к своему квинтилю, 29,3% смогли совершить восходящую мобильность, а 30,6% – характеризовались нисходящей мобильностью. Сопоставление полученных оценок с данными по странам ОЭСР позволяет оценить масштабы мобильности в российском обществе как высокие, что в целом в большей степени

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (сайты обследования RLMS HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>).

свойственно странам, проходящим периоды трансформации. При этом ситуация в российском обществе, как и в других странах, характеризуется наличием «липкого пола» и «липкого потолка» (большей устойчивости положения для самого нижнего и самого верхнего квинтилей по доходам). Так, из числа всех россиян, относившихся к первому и пятому квинтилям в 2014 г., 46,7% и 55,5% пребывали в них и в 2017 г. Однако по сравнению с усредненными аналогичными данными по странам ОЭСР (60% и 70%, соответственно), ситуация в России характеризуется более низкими масштабами устойчивого неравенства, т. е. долями не изменивших принадлежность к нижнему и верхнему квинтилю на четырехлетнем отрезке. Полученный результат позволяет также зафиксировать большую «липкость» «потолка», что означает, что россияне, характеризующиеся наивысшими доходами в российском обществе, в наименьшей степени включены в процессы доходной мобильности.

Таблица 1

Матрица переходов между доходными квинтилями в 2014–2017 гг., все население, %

Доходные квинтили в 2017 г.	Доходные квинтили в 2014 г.				
	Первый (наиболее низкие доходы)	Второй	Третий	Четвертый	Пятый (наиболее высокие доходы)
Первый (наиболее низкие доходы)	9,7	5,2	2,7	1,4	1,1
Второй	4,6	7,2	5,5	2,6	1,3
Третий	2,9	4,7	6,7	4,9	1,7
Четвертый	1,1	3,0	4,6	6,5	4,2
Пятый (наиболее высокие доходы)	0,9	1,3	2,2	4,0	10,0

Примечания.

1. Синим цветом выделена зона отсутствия доходной мобильности (совпадение принадлежности к квинтилям в 2014 и 2017 гг.); зеленым – восходящая мобильность (повышение квинтиля в 2017 г. по сравнению с 2014 г.); красным – нисходящая мобильность (понижение квинтиля в 2017 г. по сравнению с 2014 г.).
2. Данные приводятся для всех респондентов, вошедших в панельную часть данных РМЭЗ (в т. ч. детей и населения в нетрудоспособных возрастах).

Что касается мобильности в средних квинтилях, которые в литературе иногда рассматриваются в качестве экономического среднего класса (Barro 1999; Dallinger 2013; Easterly 2001), то в России, как и в других странах, ее масштабы наиболее высоки, поскольку большая часть доходов концентрируется именно в середине распределения, и даже небольшие изменения доходов в абсолютном выражении могут повлечь переходы из квинтиля в квинтиль. При этом Россия оказывается в группе стран, где середина доходного распределения характеризуется высокими шансами как на восходящую, так и на нисходящую мобильность (аналогичные паттерны мобильности характерны для таких стран, как Греция, Великобритания, Чили, Исландия).

Модифицированное определение мобильности по доходам, учитывающее не только принадлежность к доходным квинтилям в начальной и конечной точках наблюдения, но и происходящие между ними изменения,

показывает, что большинство россиян в период 2014–2017 гг. характеризовалось разнонаправленной мобильностью – почти половина населения за этот период испытали и повышение, и понижение доходного квинтиля¹. Это говорит о том, что относительное благополучие и неблагополучие по доходам в современном российском обществе достаточно неустойчивы.

Эту картину дополняют факторы, выступающие определяющими в сохранении устойчивых неравенств – невозможности для части населения «выбраться» из нижней части доходного распределения и формирующей «липкий пол», а для другой – отсутствия рисков «скатиться вниз» из верхней, и составляющей в итоге «липкий потолок». Анализ показывает, что устойчивое материальное неблагополучие формируется, по большей части, на рынке труда, а также под влиянием состава семьи. Представители «липкого пола» занимают на рынке труда менее оплачиваемые и надежные позиции, связанные чаще всего с физической трудовой активностью (рабочие профессии, торговля), а также имеют в составе семьи иждивенцев, которыми, в первую очередь, выступают дети, а во вторую – сами трудоспособные, вынужденные довольно регулярно менять место работы. Все это формирует повышенные риски финансового неблагополучия у детей (в особенности у родившихся в многодетных семьях и в сельской местности), в разы превышающие риски взрослого населения и среднестатистического россиянина. Устойчивое материальное благополучие, наоборот, характерно для лиц умственного квалифицированного труда, чьи позиции стабильны, позволяют иметь постоянный и высокий заработок и работать после выхода на пенсию. Эти россияне в значительно меньшей степени обременены необходимостью обеспечивать иных членов семьи в силу меньшей распространенности иждивения в трудоспособных возрастах и меньшего количества зависимых от них детей, отчасти за счет их взросления и обретения финансовой независимости. Потому при прочих равных шансы попасть в «липкий потолок» повышены для пожилых россиян и лиц ранних пенсионных возрастов.

Наконец, еще одно измерение общей картине дает значительное расхождение субъективной и объективной мобильности по доходам и устойчиво благополучных и неблагополучных в этих координатах групп². Субъективная оценка своего положения по шкале бедность-богатство оказывается еще более волатильной, чем принадлежность к доходным квинтилям (таблица 2 в сравнении с таблицей 1)³.

¹ Все возможные случаи представлены 4 категориями: «устойчивая восходящая мобильность» (в течение 4 лет индивид ни разу не понизил принадлежность к страте и хотя бы раз ее повысил), «устойчивая нисходящая мобильность» (по аналогии с восходящей), «разнонаправленная мобильность» (случаи, в которых повышение квинтиля в одном из годов наблюдения соседствовало со снижением квинтиля в другом) и «отсутствие мобильности». Масштабы явлений составляли 17,1%, 16,2%, 47,9%, 18,9%, соответственно.

² Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ позволили применить аналогичную методику оценки относительной мобильности между квинтилями к данным о субъективной оценке своего положения на шкале «бедность-богатство» (выбор из 9 «ступеней», где 1 – нищие, 9 – богатые).

³ Отметим, что субъективная оценка положения в обществе связана с доходами не напрямую и является предметом отдельных исследований (Gimpelson, Treisman 2018; Тихонова 2018, Косова 2016).

Таблица 2

**Принадлежность к квинтилям, выделенным по самооценке положения
на шкале доходов в 2014 и 2017 гг., все население, %**

Квинтили в 2017 г.	Квинтили в 2014 г.				
	Первый	Второй	Третий	Четвертый	Пятый
Первый	7,4	5,1	2,6	1,9	0,8
Второй	3,9	8,6	7,1	4,4	2,1
Третий	1,8	4,7	7,4	6,6	3,4
Четвертый	0,9	2,7	5,2	7,7	4,5
Пятый	0,4	0,8	1,8	4,0	4,2

Примечание. Выделение цветом аналогично таковому в таблице 1. Данные приводятся для всех респондентов панельной части данных РМЭЗ (в т. ч. населения в нетрудоспособных возрастах).

Устойчивое субъективное неблагополучие определяется преимущественно двумя факторами – занятием «плохих» рабочих мест и состоянием здоровья (в первую очередь, у пенсионеров, т. к. их и без того малый нетрудовой доход при наличии тяжелых хронических заболеваний требует существенного пересмотра структуры расходов). Устойчивое субъективное благополучие, наоборот, типично для молодой части населения, а также для трудоустроенных на качественных рабочих местах квалифицированных работников. Таким образом, если объективно измеряемый по доходам «пол» имеет очень молодое «лицо», у субъективного «пола» оно, наоборот, пожилое (аналогично и для «потолка», который в первом случае стягивает в себе пожилых, а во втором случае – молодежь). Различия в масштабах и составе устойчиво благополучных и неблагополучных групп по объективным показателям дохода и субъективным оценкам положения на шкале богатства и бедности еще раз подчеркивают, что при анализе благосостояния как комплексного феномена недостаточно рассматривать лишь его монетарное измерение.

Все эти особенности конфигурации мобильности и иммобильности по доходам в объективном и субъективном измерениях ставят серьезные вызовы для государства – от необходимости снижения роли аскриптивных неравенств (в частности, связанных с социально-демографическими факторами – например, неблагополучия детей, рожденных в многодетных семьях и проживающих вне городов) до обеспечения институциональной среды, позволяющей стабилизировать доходы «среднего россиянина» (меры, повышающие социальную защищенность на рынке труда, компенсирующие временные, ситуационные провалы в доходах и пр.) или снизить те специфические неравенства, которые препятствуют повышению благосостояния в отдельных группах и подгруппах (например, дифференцирующие неравенства в уровне здоровья для пожилого населения).

Литература

Косова Л. Б. (2016). В каком обществе мы живем? Анализ факторов, определяющих массовый выбор, на примере восприятия социальной структуры // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2016. № 3–4. С. 43–52.

Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты: [монография] / [В. В. Семенова и др.]; отв. Ред. В. В. Семенова, М. Ф. Черныш, П. Е. Сушко. ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2019. – 512 с.

Стиглиц, Д., Сен, А., Фитусси, Ж. П. (2016). Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла. Доклад Комиссии по измерению эффективности экономического и социального прогресса. М.: Издательство Института Гайдара.

Тихонова Н. Е. (2018). Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // Социологические исследования. № 6. С. 53–65.

Barro R. (1999). Inequality, growth and investment. NBER Working paper. No. 7038.

Dallinger U. (2013). The endangered middle class? A comparative analysis of the role played by income redistribution // Journal of European Social Policy, Vol. 23. No 1. P. 83–101.

Easterly W. (2001). The middle class consensus and economic development // Journal of Economic Growth, Vol. 6. No 4. P. 317–335.

Gimpelson V., Treisman D. (2018). Misperceiving Inequality // Economics and Politics. No 30. P. 27–54.

OECD (2018), A Broken Social Elevator? How to Promote Social Mobility, OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/9789264301085-en> (дата обращения: 18 октября 2019 г.).